

процесс уничтожения исторического наследия края. Это было одним из направлений его общественной деятельности.

А. А. ИВАНОВ

ЕВГЕНИЙ ШОБОДОЕВ: К ПОРТРЕТУ ИСТОРИКА

1 января 2009 г. Евгений Борисович Шободоев отметил бы свой полувековой юбилей. Он не дожил до первой в своей жизни по настоящему «круглой» даты немного — несколько месяцев, уйдя от нас 17 сентября 2008 г. Зная его отношение к парадным датам и соответствующим им мероприятиям, можно с уверенностью сказать, что встретил бы этот день в небольшом кругу только близких ему людей. А может быть, не отмечал бы вообще. Кроме отца, детей, близких и немногих друзей (много и не бывает), оставил внушительное количество научных работ — статей, архивных обзоров, рецензий, исторических справок. Часть из его научного наследия издана, часть, возможно, бóльшая, осталась или в рабочем столе, или в планах исследователя.

Трудно сказать, когда Евгений «заболел» историей, но в 1976 г. на исторический факультет Иркутского государственного университета, он пришел совершенно осознанно. Конкурс тогда на истфак был одним из самых высоких среди вузов города — пять-шесть человек на одно место. Такое мелкое сито, быстро, еще при поступлении, формировало из вчерашних абитуриентов, при всей индивидуальности и несхожести каждого, коллектив единомышленников, людей, по-настоящему увлеченных историей. Отсюда и та своеобразная атмосфера, присущая, наверное, только истфаку: для преподавателя такой студент был не только благодарным слушателем, жадно впитывавшим знания, но и «младшим коллегой», а для студента преподаватель — не просто любимым педагогом, лекции которого всегда были обретением нового, а, в большей мере, зачастую, старшим товарищем, опытным проводником в таинственном мире истории.

В то время найти и открыть свою Троицу хотел, наверное, каждый студент. При этом вопрос, что изучать, по какой кафедре специализироваться, возникал не на третьем курсе — большинство студентов уже к первой летней практике выбирали объект своих научных интересов. Евгений определился с тематикой исследований, пожалуй, еще раньше — уже в школьные годы он «серьезно заболел» сибирской археологией. В университете это неосознанное стремление окрепло, было развито и на долгие годы стало одной из основных тем его научных публикаций.

Что определило выбор будущего ученого? На мой взгляд, две причины. Первая — соседство ставшего ему родным Усолья-Сибирского с Мальтой, где в 1928 г. М.М. Герасимов открыл всемирно известную верхнепалеолитическую стоянку древних охотников. Наверняка, Евгений не раз бывал на окраинах знаменитого села, спускался на берег широкой

Белой, где река после каждого паводка щедро одаривала богатым подьемным материалом — ножи, наконечники стрел, проколки, пряжки и пуговицы в то время мог найти каждый мальчишка. Можно представить, сколь сильное впечатление произвела Мальта на Евгения!

Учеными не рождаются. Вот и человек, однажды посвятивший себя истории, учится, впитывает уже кем-то обретенный опыт, пользуется чьими-то готовыми знаниями, развивая и преумножая их. Такой средой, сформировавшей Евгения Шободоева как исследователя, безусловно, был исторический факультет классического университета. В 1970-е гг. здесь работали талантливые педагоги, ученые, известные своими трудами далеко за пределами сибирского региона: В.Т. Агалаков, М.П. Аксенов, М.А. Бендер, С.Ф. Коваль, И.И. Кузнецов, А.А. Мухин, Б.С. Санжиев, Н.Н. Щербаков, В.В. Яровой. Эти исследователи не только сохраняли лучшие традиции иркутских историков довоенной поры — Б.Э. Петри, В.И. Огородникова, С.В. Шостаковича, Ф.А. Кудрявцева, М.А. Гудошникова, Н.Н. Козьмина, Б.Г. Кубалова, но и развивали новые направления научных знаний. Именно в эти годы исторический факультет стал центром изучения общественно-политических процессов Советской Сибири 1920–1960-х гг., особенностей социально-экономического освоения Зауральского региона, исследований в области историографии и источниковедения, царской политической ссылки, стран АТР.

Среди отраслей истории, активно изучавшихся в тот период, археология занимала особое место. Древний мир был не так жестко идеологизирован и предельно политизирован, как скажем, курс истории КПСС или СССР, что позволяло ученому чувствовать себя относительно независимым даже в общепринятой марксистско-ленинской парадигме. Именно это обстоятельство окончательно определило выбор Е. Шободоева в пользу археологии, тем более, что в студенческие годы, и особенно после окончания факультета, его всегда отличало стремление к самостоятельности, принципиальности, категоричность ко всему и всем, и в первую очередь, к результатам и оценкам собственных исторических исследований.

Впрочем, в своей любви к истории Е. Шободоев никогда не замыкался только на археологии. Круг его научных интересов был весьма широк и разнообразен. Он, вообще, был одним из тех счастливых людей, кто, несмотря ни на что, ни на какие обстоятельства, мог позволить себе заниматься только тем, что было ему, действительно, интересно. Рядом с археологией вполне благополучно и мирно уживалась настоящая страсть к авиа- и судомоделированию, фалеристика и нумизматика перемешивались с подлинной книгоманией, любительская фотография с петрографией. Его всегда и всерьез увлекала военная отечественная история и семинарские занятия по Русско-японской и Первой мировой зачастую превращались в интересную и содержательную дискуссию, где большинство студентов становились, в основном, наблюдателями, а Евгений — главным докладчиком.

Шободоев-студент как-то сразу, еще в начале учебы, сумел определить для себя круг «любимых» преподавателей. В него входили С.Ф. Коваль, А.С. Маджаров, Н.К. Струк, Г.И. Медведев, В.Г. Башкиров, В.И. Литвина, наверное, еще кто-то. Руководителем археологических изысканий Евгения стал Н.А. Савельев, талантливый лектор, опытный, чуткий педагог, «заразивший» своей увлеченностью не одно поколение молодых исследователей. «Наш Никсаныч», — уважительно звали его тогда, да и сейчас, наверняка, зовут, студенты. Именно Н.А. Савельев, думается, привил Е. Шободоеву не столько специфические навыки археолога-практика, сколько научил умению синтезировать и обобщать конкретные результаты мозаичных полевых исследований в одну целостную картину, восстанавливающую историческое прошлое. Закономерен в этой связи и выбор, также обобщающей, по существу историографической, сложнейшей для пятикурсника темы дипломного проекта — «История археологических исследований в Сибири...».

Защита с отличием дипломного сочинения по столь обширной теме открывала для Е.Б. Шободоева путь уже не в студенческую, а во «взрослую» науку, подводила к созданию кандидатской диссертации. Для ее написания и защиты у него были все задатки. Однако, судьба распорядилась иначе: после окончания исторического факультета, он был назначен, а затем и избран секретарем комитета ВЛКСМ Иркутского института сельского хозяйства.

И здесь, в ИСХИ, как и в учебе, проявил упорство, работал с полной отдачей. В живой руководящей деятельности, он был также успешен, как и в изучении истории. Неожиданно для себя самого, оказалось, что работать в заидеологизированной, зажатой «мудрым партийным руководством» молодежной структуре столь же интересно, как изучать историю исчезнувших народов. Каждодневная конкретная работа полностью поглощала, успешно проведенное дело («мероприятие» писать не хочется) приносило удовлетворение. Да и студент был здесь несколько иным. В институте практически не учились горожане, студенты из глубинки, села, были другими — более открытыми, непосредственными, искреннее стремившимися или также искренне не стремившимися (таких было мало) к знаниям. Наведение порядка в молодежных общежитиях, боевая комсомольская дружина имени Улдиса Кнакиса, члены которой регулярно ловили браконьеров из числа высокопоставленных областных советских и партийных чиновников, предновогодняя операция «Ель» и весенняя «Нерест», редко заканчивавшиеся без стрельбы и погонь — Евгений участвовал во всех этих делах, неординарных, а порой, и просто опасных. Среди одиннадцати секретарей городских вузовских первичек, он быстро выделился и стал одним из первых. Вот только поиск «неизвестно выбывших» комсомольцев, да «своевременная постановка и снятие с учета» напрягали своей бюрократической волокитой, нежизненностью, формализмом.

В 1984 г. Е.Б. Шободоев пришел работать в Государственный архив Иркутской области. Надолго, почти на четверть века, здание по улице Байкальской, 79 стало для него вторым домом. Именно здесь он окончательно сформировался как историк, интересный и талантливый исследователь сибирской старины, высококлассный специалист архивного дела, широко известный популяризатор исторических знаний.

Для работника архива понятие «исторического источника» или вторично, или просто не существует. Здесь его заменяет другая терминология. Статейные списки, рапорты, отчеты должностных лиц, ведомственная переписка — все это не исторические источники, а единицы хранения. Единицы хранения составляют дела, систематизируемые по описям, описи объединяются в фонды. Пополнение того или иного фонда — забота конкретного предприятия и учреждения, обязанного, на основании федерального закона, сдавать вовремя и в полном объеме в архив свои документы. Очень часто эта сдача, а, значит, пополнение архива, а, в свою очередь, работа исследователя, полнота и даже сама достоверность его выводов (и истории как науки!) зависят от «простого» и не всегда профессионально образованного работника архивной службы конкретного учреждения с маленькой заработной платой и массой житейских неурядиц и проблем. Скажем, пошла работница какого-либо муниципального учреждения нашей области в декретный отпуск и «некем ее заменить», значит, вполне возможно, на стол исследователя-историка не попала какая-то часть единиц хранения — исторических источников, скорректировав его выводы на то или иное историческое событие.

Взгляд на любимую историю с этой стороны, убежден, поразил и, может быть, сначала даже шокировал, Е. Шободоева. Поразил своей простотой, обыденностью, отсутствием романтического очарования. Так как же «писать историю», объективна ли, достоверна и репрезентативна источниковая база наших исторических построений?! Эти и многие другие проблемы всегда волновали Е. Шободоева. Вместе с тем, его, как архивиста, отличало понимание исторической важности порученного ему дела, осознание высокой ответственности, присущее лишь по-настоящему государственному человеку. Не случайно несколько своих наиболее содержательных статей он посвятил истории становления государственной архивной службы Восточной Сибири, подчеркивая, что ее изучение дает не только знание функционирования государственного механизма, но и важнейшие сведения об источнике. Два составленных им сборника так и назывались — «Архивы — источник истины» (*Иркутск: Оттиск, 1998*) и «Архивы и управление Восточной Сибирью: проблемы взаимодействия...» (*Иркутск: Оттиск, 2004*).

Обладание основательными, разноплановыми и ранее мало использованными архивами — мечта любого исследователя. Е. Шободоев имел такой архив «под рукой», что всегда вызывало у коллег-историков хорошую «белую» зависть. Через несколько лет после прихода в ГАИО он

уже совершенно свободно ориентировался не только в отдельных фондах, описях, но и многих делах досоветского периода сибирской истории. Именно отличнейшее знание этого громадного источникового массива помогло ему правильно осознать и главную особенность сибирской историографии XVII–XX вв.: вся она насквозь пронизана одной центральной проблемой — проблемой освоения края. С ее решением тесно связаны все другие — заселения, колонизации, развития промышленного и сельскохозяйственного производства, истории рабочего класса и крестьянства, инородческая, политической каторги и уголовной ссылки, общественных движений и классовой борьбы. Живя в Сибири, исследуя практически любое историческое явление, историк, так или иначе, просто «натыкался» на широчайшую научную проблему освоения края в том или другом ее аспекте. Столкнулся с этим и Е. Шободоев. Столкнулся и стал искать в ней интересную для себя нишу. И нашел: Н.М. Ядринцев.

Имя Н.М. Ядринцева широко известно как исследователям, так и общественности. Его популярность обычно связывают с учреждением и деятельностью газеты «Восточное обозрение», а также изданием капитального научного исследования сибирской действительности — книги «Сибирь как колония». Между тем творческое наследие Н.М. Ядринцева гораздо богаче. И именно Е.Б. Шободоев сумел найти в, казалось бы, давно известном фактическом материале, слабо изученные или же не исследованные страницы.

Прежде всего, заслуга Е.Б. Шободоева в создании совершенно обоснованной периодизации творчества великого сибиряка. В жизни Ядринцева он выделяет четыре периода. Первый, по мысли исследователя, связан с началом общественной деятельности в первой половине 60-х гг. XIX в. и характеризуется резким неприятием, еще может быть, недостаточно осознанным, «темных сторон» сибирской действительности. Второй относится к так называемому «Омскому делу», следствию и политической ссылке в Архангельскую губернию. В период ссылки Ядринцев стал серьезно изучать особенности функционирования институтов государства в Сибири, на примере деятельности М.М. Сперанского пытался показать ограниченность правительственных реформ. Третий период справедливо отнесен к службе Ядринцева в Западной Сибири, когда он сам, став государственным чиновником Главного управления, становится представителем сибирской администрации. Этот период, по мысли Е.Б. Шободоева, в биографии Ядринцева недостаточно оценен и исследован, а ведь именно здесь он совершил свои первые научные экспедиции, а, главное, почему бы и нет, мог стать видным государственным служащим. О такой возможной альтернативе специалисты творчества Ядринцева вообще никогда не говорили.

Последний период в жизни ученого исследователь считает наиболее сложным. По мнению Шободоева, в это время литературно-публицистическая деятельность перемежалась у Н.М. Ядринцева с попытками

встать во главе общественного мнения в Сибири. Интересен и вопрос о связях Ядринцева с нелегальной зарубежной печатью, как наименее изученный.

Несомненна заслуга Е.Б. Шободоева и в расширении источниковой базы исследований, посвященных Н.М. Ядринцеву. Еще в 2000 г. ему удалось обнаружить в архиве Н.С. Романова ранее неизвестные письма Николая Михайловича к родным, а также к Г.Н. Потанину и И.И. Попову, раскрывающие новые стороны деятельности публициста в Иркутске. В том же году Евгений Борисович публикует исследование об экспедиции Ядринцева в Монголию, где описывает открытие им могильника на оз. Цайдам. Особую значимость в этих материалах имеют собственноручные рисунки Николая Михайловича — более 300 листов — выполненные им в 1889 г. и хранящиеся в фондах ГАИО.

«Ядринцев и Восточно-Сибирский отдел РГО», «Ядринцев и изучение истории Сибири», «Восточное обозрение» и иркутское общество, «Ядринцев и администрация Сибири» — вот далеко не полный перечень ядринцевской проблематики, разрабатывавшейся Е.Б. Шободоевым. При этом надо учитывать, что им в научный оборот вводились материалы не только ГАИО, но и архивов Москвы, Петербурга, Сибирского региона. Его вклад, таким образом, в исследование творчества «заслуженного областника» весом и несомненен.

С 1984 г. Е.Б. Шободоев опубликовал более 70 научных статей. Их тематика разнообразна и связана, в основном, с иркутским краеведением. Однако, определить эти публикации как чисто краеведческие никак нельзя — повествование о каком-либо конкретном персонаже или предмете автор выстраивает на широком историческом фоне, а отдельные примеры всегда получают свое обобщение. Более того, когда читаешь статьи Евгения Борисовича, кажется, что персонаж-то главный выбран лишь для того, чтобы более наглядно показать закономерности развития истории. Таких работ у историка много. Это статьи об иркутских генерал-губернаторах, где на фоне ярких, захватывающих рассказов об орденах, дуэлях и эполетах, исследуется проблема взаимоотношений центра и окраины; публикации о памятнике Александру III, где за перипетиями сегодняшнего восстановления, дана научная оценка геостратегическим устремлениям России на Дальний Восток в XIX в.; статьи об иркутских казаках, драгунах и юнкерах посвящены истории внутренней политики государства и сибирскому обществу, и так далее.

Одна из самых удачных и зрелых (на мой взгляд) публикаций Евгения Борисовича посвящена М.А. Гудошникову и написана им пятнадцать лет назад, еще в 1994 г. Поводом к созданию этой небольшой работы послужил анализ

Е. Шободоевым макета так и не изданного четвертого тома Сибирской советской энциклопедии. Внимание исследователя, собиравшего, надо понимать, сведения об Ядринцеве, привлекла статья «Области-

чество» данная как редакционная, но не безымянная, как обычно, а за подписью М.А. Гудошникова.

В статье лидеры областнического движения характеризовались «буржуазными интеллигентами», «выразителями кулацкого строя», «откровенно назвавшими на следствии в Омске своих единомышленников». Усомнившись в том, что подобные ярлыки были сделаны Гудошниковым, Евгений Борисович — и в этом зрелость исследователя — поднял материалы его личного фонда, хранящегося в ГАИО, где и обнаружил подлинный черновик этой статьи под одноименным названием. Сопоставив два документа, он пришел к выводу, что статья Гудошникова, уже сданная им в редакцию, претерпела в ходе подготовки тома значительные изменения, исказившие ее смысл и оценочные суждения. В отличие от откорректированного варианта, Гудошников характеризовал областничество как «течение среди сибирской интеллигенции, ставившее своей целью автономию Сибири», считая его в борьбе с колониальной политикой центра, безусловно, прогрессивным. Этот, казалось бы, частный случай, исследователь рассматривает как проявление сложных классовых процессов в советской историографии 1930-х гг., приведших, как известно, к победе марксизма.

Е.Б. Шободоев хорошо известен и как популяризатор исторических знаний, бескорыстный консультант многих начинающих и маститых историков. Он практически за несколько минут безошибочно мог сориентировать исследователя в его архивных изысканиях, щедро делясь своими собственными маленькими и большими открытиями в мире фондов и описей ГАИО.

С его именем неразрывно связана история журнала «Земля Иркутская». На протяжении более чем 15-летнего существования этого журнала Е.Б. Шободоев неизменно входил в состав редакционного совета. При этом он не только «представлял» Государственный архив, а был, действительно, активным, много и интересно пишущим сотрудником. Не случайно, немалая часть исследовательских работ Е.Б. Шободоева опубликована именно на страницах этого уникального регионального издания. Многие журнальные статьи Евгения Борисовича напоминают романы В.С. Пикуля — так ярко и талантливо выписаны герои, так профессионально выстроена сюжетная линия, так захватывают они с первых строк.

Евгений Шободоев не был безупречно-плакатным человеком и историком. Он, как и все, обладал своими слабостями и недостатками. Будучи талантливым исследователем, получая истинное удовольствие от процесса познания, он практически не интересовался формальным итогом своих изысканий. Для него было необычайно важным установить истину, а публикация результатов этой работы, всегда была на втором, а то и третьем, плане. Он мог интересно и со знанием дела выступить на самой представительной научной конференции, и в тоже время, «забыть» сдать тезисы своего доклада. Такое пренебрежение к формальной

стороне науки с годами не только «не излечивалось», а даже усугублялось. Коллеги из Улан-Удэ, Читы, Якутска, где доводилось неоднократно выступать Е.Б. Шободоеву на научных конференциях, постоянно сетовали на эту неорганизованность. В этом, наверное, и одна из основных причин нежелания оформить и защитить свои знания в виде кандидатской и докторских диссертаций. Да и то, что Е. Шободоев не оставил ни одной монографии, а лишь статьи, только говорит в пользу моего довода: формальный результат в виде солидного и вовремя защищенного «кирпича», был для него, человека здоровых амбиций и немалого самолюбия, почему-то неважен. Отсюда — и отношение к собственному обустройству, материальному благополучию, быту, здоровью. Жаль.

С.И. КУЗНЕЦОВ

ИСТОРИОГРАФ ГОЛЛИЗМА

(К 60-летию со дня рождения профессора Г.Н. Новикова)

8 февраля 2009 г. исполнилось бы 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, известного российского франковеда Г.Н. Новикова. Он ушел из жизни 24 марта 2008 г. в том возрасте, когда историк лишь приближается к расцвету своих творческих возможностей, начинает полной мере отдавать и интерпретировать накопленные знания.

Г.Н. Новиков родился 8 февраля 1949 г. в г. Ачинске Красноярского края в рабочей семье. Вскоре его семья переехала в Казахстан, где в 1966 г. Геннадий окончил школу № 41 им. В.В. Маяковского в г. Алма-Ате. В 1966 г. после окончания средней школы он вновь вернулся в Сибирь и поступил на исторический факультет Иркутского университета, который окончил с отличием в 1971 г. Здесь он не только получил фундаментальные знания в области истории, но и сформировался как историк-исследователь. Его учителями были замечательные преподаватели С.В. Шостакович, Ф.А. Кудрявцев, В.В. Яровой, В.П. Олтаржевский. Именно они пробудили у молодого историка интерес к всеобщей истории. Дипломную работу на тему: «Отношения между СССР и сражающейся Францией в годы Великой Отечественной войны» он выполнил под руководством доцента В.В. Ярового. После окончания университета Г.Н. Новиков стал преподавателем кафедры всеобщей истории Иркутского университета. В 1972 г. он поступил в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Ему посчастливилось работать под руководством крупнейшего отечественного франковеда профессора В.П. Смирнова. 25 декабря 1975 г. в МГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Программа «нового общества» и борьба партий во Франции (1969–1972 гг.)».